

---

---

## VIII. КУЛЬТУРА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

---

---

**М.М. ФРОЛОВА**

(Институт славяноведения РАН, Москва)

### «АБАГАР» 1651 Г. В БИБЛИОТЕКЕ А.Д. ЧЕРТКОВА

**Abstract:**

**Frolova M.M.** *«Abagar» 1651 in the library of A.D. Chertkov*

The article is devoted to the history of the appearance of «Abagar» 1651 in the library of A.D. Chertkov, a well-known Russian historian, numismatist and bibliographer.

**Ключевые слова:** «Абагар», А.Д. Чертков, П.И. Кеппен, граф Н.П. Румянцев, Е. Копитар, М.К. Бобровский, «Библиографические листы», Н.Н. Мурзакевич.

Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858), известный историк, библиограф, нумизмат, славист, общественный деятель, меценат, сумел осуществить свою заветную мечту и создать замечательную библиотеку, в которой постарался «собрать все, что когда-либо и на каком-либо языке писано о России»<sup>1</sup>. Однако постепенно в его книжном собрании начали появляться также издания о славянах и на славянских языках – задолго до того, как он погрузился в изучение средневековой истории Болгарии и написал свои фундаментальные труды: «О переводе Манассиной летописи на словенский\* язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар» (М., 1842), «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.» (М., 1843) и др. Коллекции книг и рукописей на новоболгарском языке, которую собрал сам А.Д. Чертков и в которой насчитывалось примерно 30 названий<sup>2</sup>, было положено

---

\* В первой половине XIX в. этноним «славяне» нередко писали в форме старославянского этнонима «словене»; образованное от этого термина прилагательное – словенский (язык, земля и т.п.).

начало еще в 1823 г., во время его путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии (1823–1825 гг.).

Осенью 1823 г. в Вене Чертков коротко сошелся с Петром Ивановичем Кеппенем (1793–1864), всесторонним знатоком славянской филологии первой четверти XIX в., членом известного кружка канцлера графа Н.П. Румянцева. Правда, Кеппен и Чертков могли быть знакомы еще по Петербургу. Кеппен в 1816 г. был одним из учредителей Вольного общества любителей российской словесности, деятельность которого привлекла внимание и Черткова, не преминувшего обзавестись Уставом общества. Он вполне мог посещать некоторые заседания Общества, хотя и не стал его членом. Кроме того, Кеппен опубликовал в 1819 г. библиографический сборник «Обозрение источников для составления российской словесности» (СПб), мимо которого не мог пройти Чертков, воодушевленный идеей строгого комплектования своей библиотеки изданиями о России. Интенсивному общению Черткова с Кеппенем в Вене много способствовало и то обстоятельство, что Чертков остановился в трактире «Венгерская корона», где квартировал Кеппен. Жители Вены, как писал Чертков, жили «весьма скромно: званые обеды, балы, собрания почти неизвестны». А с представителями знатных австрийских фамилий, в которых «древняя немецкая аристократическая спесь существует еще во всей своей силе», трудно было познакомиться и «быть приняту в их домах»<sup>3</sup>. Русские путешественники поэтому проводили досуг, как правило, вместе: обедали, посещали театры, музеи, ездили на экскурсии, ходили друг к другу в гости, коротали вечера у камина за беседой.

П.И. Кеппен выехал в Австрию в 1821 г. по поручению графа Румянцева. Его путешествие по европейским славянским землям и знакомство со славянскими учеными составили, как писал в конце XIX в. А.А. Кочубинский, «своего рода эпоху в русском славяноведении первой четверти XIX в.» и открыли «путь русским славистам на Запад»<sup>4</sup>, – подчеркивает современный исследователь, профессор Л.П. Лаптева. Петр Иванович был первым русским ученым, лично познакомившимся с такими известными славистами как П.-Й. Шафарик, Й. Добровский, С.-Б. Линде, В. Ганка, Е. Копитар. Вернувшись в Россию, он стал издавать в 1825 г. журнал «Библиографические листы» – первый международный библиографический журнал, в котором публиковал разнообразные сообщения о западнославянском мире<sup>5</sup>.

В августе 1822 г. Кеппен находился в Германштадте (ныне г. Сибиу, Румыния), где плодотворно общался со многими болгарами, проживавшими в этом городе, в том числе и с Д. Мустаковым.

Путевой дневник ученого зафиксировал его наблюдения над живым болгарским языком, что, как отмечает современный ученый-лингвист Г.К. Венедиктов, «представляет собой первый шаг в изучении этого языка русскими учеными вообще»<sup>6</sup>. К тому же Кеппен привлек внимание к болгарскому языку таких известных филологов как В. Караджич и Е. Копитар<sup>7</sup>. В «Записке о путешествии по словенским землям и архивам», опубликованной в декабре 1825 г., Кеппен сформулировал задачи, стоявшие перед учеными-славистами при посещении западноевропейских городов, и, в частности, те, которые необходимо было решить исследователям, имевшим возможность работать в Риме, «где многое еще остается обследовать». Под номером 8 было указано: «достать “Каталог Пропанды 1738 г.” и “Болгарские молитвы Филиппа Станиславова, бискупа од великия Болгарии, напечатанные на пяти листах для наклейки на стене”»<sup>8</sup>. При составлении и публикации этой «Записки» ее автор не знал, что пункт № 8 был уже успешно исполнен отставным полковником А.Д. Чертковым.

Еще во время пребывания в Вене в 1823 г. Кеппен обратил внимание Черткова, собиравшегося ехать в Италию, на эти книги. Сам он из-за изменившихся планов не смог посетить Рим. В конце ноября 1823 г. он продолжил свои научные изыскания в Германии и вернулся в Россию весной 1824 г. А Чертков из Вены отправился путешествовать по Италии, Сицилии, Швейцарии, где старался выполнить поручения Кеппена<sup>9</sup>. В Риме он сумел отыскать икупить указанные книги.

Следует сказать, что «Болгарские молитвы» или, как теперь они именуется в литературе, – «Абагар» – были изданы в 1651 г. в Риме в типографии Конгрегации распространения веры Никопольским епископом Филиппом Станиславовым (ок. 1608–1610–1674) специально для болгар-павликиан, которые принимали католичество. Сам Филипп Станиславов был родом из павликиан и прекрасно знал их обычай. Так, например, павликиане всегда носили при себе на шее в качестве оберега или амулета рукописные свитки с молитвами, которые назывались абгар. В состав молитв входило апокрифическое послание эдесского царя Авгаря (на латинском языке – Абагар) к Иисусу Христу, что могло дать название этим талисманам. Да и сам издатель дважды в тексте назвал этот памятник «Абагаром».

«Абагар» Филиппа Станиславова был напечатан кириллицей на 5 крупных листах, но с одной стороны. Текст был разделен на 4 колонки, огражденные с двух сторон рамкой из орнаментов. Причем, первый столбец кроме боковых рамок имел еще горизонталь-

ную рамку сверху, а последний – такую же рамку снизу, что привело русского ученого К.С. Кузьминского, впервые, в 1906 г., опубликовавшего полный текст «Абагара», к заключению о том, что листы не вешались на стены, как указывал Кеппен, а разрезались, склеивались, сворачивались в свиток длиной почти в 5 м 80 см и носились как амулеты от злых сил<sup>10</sup>. Именно такой свиток хранится в университетской библиотеке г. Болоньи<sup>11</sup>. Филипп Станиславов включил в это издание молитвы, апокрифические заговоры, евангельские чтения. По мнению дореволюционного русского историка М.Г. Попруженко, которое вполне разделял болгарский историк литературы Б. Пенев, тексты и девять гравюр должны были воздействовать на прозелитов – покатоличенных павликиан с тем, чтобы отклонить их от еретических учений, укрепить веру в крест, святость брака, икон, чтобы они «в несчастьях уповали на Бога», а не на колдунов, чтобы признали католическую веру самой истинной верой, подчинившись Папе Римскому<sup>12</sup>.

Вот такой интересный памятник Чертков купил в Риме. По возвращении в Россию в конце мая 1825 г. он в своем имении Ольховатка Воронежской губернии разобрал ящики с книгами, минералами, этрусскими вазами и другими вещами, которые привез из путешествий, и отправил в Петербург Кеппену посылку с книгами. О ее получении тот сообщил в мартовском номере «Библиографических листов»: «Купленные в Риме г[осподи]м полковником А.Д.Ч. (А.Д. Чертковым – М.Ф.) и препровожденные к издателю сих листов Глаголическая книга 1635 г. “Исправник за ереиј” и пр., о коей говорено было на с. 377<sup>13</sup>), и Болгарские молитвы, которые Филипп Станислаоф о велике Булгарие Бискуп собрал и издал в 1631 г. (см. в. с. 489<sup>14</sup>), получены им исправно вместе с Краинскими стихотворениями и приняты с отличною признательностью к почтенному г[осподи]ну посылателю»<sup>15</sup>. На своем экземпляре «Абагара», который впоследствии поступил в библиотеку Румянцевского музея, Кеппен записал: «Сии 5 листов Болгарских молитв, назначенных для наклейки на стене, по просьбе моей куплены в Риме в книжной лавке или типографии Пропаганды полковником Александром Дмитр. Чертковым и доставлены ко мне 19 февраля 1826 г. – П. Кеппен»<sup>16</sup>.

В 1838 г. Чертков издал каталог своей библиотеки («Всеобщая библиотека России»), где «Абагар» значился как «Молитвы на болгарском наречии; собрал Филип Станиславов од велике Булгарие Бискуп. Рим, а.х.м.а (1651): на 5 открытых листах, перемеченных буквами а.в.г.д.е, в 4 столбца, с изображениями»<sup>17</sup>. Это библиографическое описание вошло затем в каталоги славяно-рус-

ских книг, составленных и опубликованных И.П. Сахаровым (1849), В.М. Ундольским (1871), И.П. Каратаевым (1883) и др.<sup>18</sup>. Очевидно, что в каталоге Черткова при типографском наборе года издания «Абагара» была сделана ошибка и напечатана «м», обозначающая цифру 40. Сахаров первый отметил эту опечатку: «Верно ли здесь в годе буква м?»). Однако в более поздних библиографических справочниках Ундольского, Каратаева и др. данные «Абагара» из Чертковского каталога перепечатывались без всякой критики, поскольку упомянутые авторы явно сами не видели это издание. Любопытно, что в самом памятнике также была допущена ошибка в написании года издания: вместо N (50) напечатана Н. Первые исследователи «Абагара» (М.П. Петровский, М.П. Попруженко, К.С. Кузьминский) отметили несоответствие этой даты (1601) тому хронологическому ряду, который выстраивался самим составителем «Абагара» в послесловии: «Абагар» был напечатан в то время, когда правили турецкий султан Ибрагим I (1640–1648), господарь Валахии Матей Басараб (1633–1654) и господарь Молдавского княжества Васил Лупул (1634–1653). Кроме того, было известно, что в 1648 г. Филиппа Станиславова назначили епископом (бискупом) в созданную годом раньше Никопольскую епископию. Кеппен также неправильно прочитал год издания «Абагара» – 1631 г. Чертков не опубликовал специальной работы, посвященной «Абагару», но тот факт, что он точно указал дату его выхода в свет – 1651 г., свидетельствует о том, что он внимательно исследовал этот памятник.

К.С. Кузьминский считал, что П.И. Кеппен был первым русским ученым, кто заинтересовался «Абагаром»<sup>19</sup>. С ним вполне соглашался болгарский исследователь Б. Райков, представивший подробную историю изучения памятника. Но Райков к имени Кеппена присоединил и фамилию А.Д. Черткова: «Благодаря пионерским усилиям Кеппена и Черткова болгарский “Абагар” стал достоянием русской науки»<sup>20</sup>. Изыскания российского историка Ю.А. Лабынцева привели к появлению в историографии новой точки зрения: первым исследователем «Абагара» являлся каноник М.К. Бобровский (1784–1848), магистр философии и богословия, преподававший в Виленском университете, «один из первых восточнославянских историков книгопечатания и библиографов славянских печатных книг»<sup>21</sup>.

С созданием единой системы университетского образования в Российской империи в начале XIX в. Главная виленская школа в 1803 г. была преобразована в императорский Виленский университет, который первым получил свой устав – 18 мая 1803 г., став-

ший прообразом уставов императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов (1804–1805). Самое непосредственное участие в разработке этого устава принял князь А.А. Чарторыйский (1770–1861), член Главного правления училищ, «пользовавшийся громадным влиянием на молодого государя (Александра I – *М.Ф.*) и полным доверием и уважением первого министра народного просвещения графа Завадовского, тоже питавшего симпатии к полякам»<sup>22</sup>. Чарторыйский был назначен попечителем Виленского учебного округа (1803–1824 гг.), в который входили 8 губерний (Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Могилевская, Минская, Киевская и Подольская, с 1810 г. – Белостокская область). Чарторыйский, мечтая о восстановлении самостоятельности Польши в тех государственных границах, которые она имела до первого раздела в 1772 г., придавал огромное значение развитию польского просвещения и активно содействовал умножению количества школ, в которых, как он подчеркивал в своих мемуарах, «польскому чувству был дан полный простор для развития»<sup>23</sup>. Особое внимание он уделял Виленскому университету, преподавание в котором хотел поставить на уровень европейских университетов. В комплексе мероприятий, направленных на улучшение положения университета, важное место занимали научные командировки преподавателей в Западную Европу. Согласно §11 устава Виленского университета, «для распространения науки и усовершенствования знаний: 1) позволяется Университету, с одобрения попечителя, отправлять в чужие края своих адъюнктов, отличившихся в науке и добропорядочном поведении, и даже профессоров»<sup>24</sup>. По штату Виленского университета отведенная на командировки сумма составляла 3000 руб. серебром (в других университетах Российской империи она достигала только 2000 руб. серебром)<sup>25</sup>. Заслуживает уважения позиция Чарторыйского, благодаря которому многие молодые преподаватели были отправлены в Западную Европу для повышения своей квалификации: «Слушание великих учителей, возможность присмотреться к новым и разнообразным предметам, обычаям, учреждениям, иной мир, новые мнения и суждения расширяют разум, снимают с очей завесу узкого и малого кругозора, образуют иного человека, освещают цель науки, во сто крат увеличивают опытность, развивают самостоятельность: этих результатов ничем нельзя заменить, и какая наука не нуждается в них, чтобы быть достойным образом представленной в университете?»<sup>26</sup>.

В 1817 г. такая возможность была предоставлена М.К. Бобровскому, исполнявшему в Виленском университете «с успехом в

течение трех лет обязанности профессора Св. Писания» и обнаружившему «преданность науке и выдающиеся способности»<sup>27</sup>. Он был направлен в Вену и Рим на три года для усовершенствования в богословских науках и восточных языках, но его командировка длилась пять лет. В «Инструкции», составленной Советом университета, ему рекомендовалось обращать внимание и на славянскую литературу, а также посетить «те из ближних земель, где господствуют славянские наречия»<sup>28</sup>. Бобровский справился с этой частью предписаний очень успешно, совершив в течение 1817–1822 гг. первое ученое путешествие по Чехии, Моравии, Галиции, Далмации, Словении. Он много работал в архивах и библиотеках Вены, Рима, Парижа и других городов, где нашел и изучил немало славянских рукописей и старопечатных книг. Ему принадлежит заслуга первого описания славянских манускриптов и старопечатных книг Ватиканской библиотеки. Позднее Бобровский открыл Супрасльскую рукопись (XI в.), один из древнейших памятников кирилловского письма. Несмотря на ограниченность средств, за время командировки ему удалось собрать превосходную библиотеку из редких книг и рукописей на славянских наречиях, которая, к сожалению, после его смерти рассеялась. В «Записке о путешествии по словенским землям и архивам» Кеппен советовал всем, желавшим ехать в Западную Европу с научной целью, повидаться с каноником Бобровским, который мог сообщить много полезной и важной информации «по части памятников»<sup>29</sup>.

Ю.А. Лабынцев полагает, что Бобровский, выросший в семье униатского священника и сам облеченный этим саном, обратил внимание на «Абагар» не случайно. Своим внешним видом «Абагар» напомнил ему «столь распространенные на его родине так называемые “образки”, т.е. изображения Богоматери и святых, как правило, гравированные на дереве, часто с текстами разных молитв, обычно вывешиваемые на стене»<sup>30</sup>. К тому же, в Риме Бобровский собирал материалы по истории униатской церкви. Лабынцев предположил, что Бобровский мог совершить покупку «Абагара» в книжной лавке Конгрегации распространения веры. Это суждение основывалось на том факте, что «в своем обозрении глаголических изданий XVII–XVIII вв., виденных и частью приобретенных во время путешествия, М.К. Бобровский рекомендует будущим путешественникам купить некоторые из них в этой типографии Пропаганды, т.е. в книжной лавке Конгрегации распространения веры»<sup>31</sup>. Вероятно, Лабынцев упустил из виду запись самого Кеппена, поставленную на полученном от Чертковца экземпляре «Абагара», в которой тот прямо указывал на то, что «Аба-

гар» был куплен в книжной лавке или типографии Пропаганды. Уверенность Кеппена в том, что «Абагар» предназначался «для наклейки на стене», также подтверждала гипотезу Лабынцева, что именно Бобровский рассказал петербургскому ученому об «Абагаре». Одним из доказательств верности данной точки зрения, по мнению Лабынцева, служит высказывание В.А. Францева, внимательно изучавшего жизненный путь и научное творчество профессора Виленского университета, о том, что сообщение об открытых Бобровским памятниках древнеславянской письменности произвело огромное впечатление на научную общественность России, и «немедленно по поручению графа Румянцева Кеппен составил программу путешествия по славянским землям («Записку о путешествии по словенским землям и архивам» – *М.Ф.*) с целью собирания сведения о славянских памятниках... Путешественник кое-где должен был следовать вполне маршруту ученого путешествия Бобровского»<sup>32</sup>.

По-видимому, Бобровский действительно был первым ученым, кто обратил внимание на «Абагар», однако вызывает сомнение утверждение Лабынцева о том, что «сведение об “Абагаре” 1651 г. мог дать Кеппену только М. Бобровский»<sup>33</sup>. В исследовании Лабынцева, на наш взгляд, выпало весьма важное звено: А.Д. Чертков и его покупка «Абагара» в Риме, где русский путешественник находился с 29 декабря 1823 г. (8 января 1824 г.) по 2 (14) марта 1824 г.<sup>34</sup>. Впрочем, время его пребывания в вечном городе не было известно в историографии, посвященной «Абагару». Лабынцев считает, что для Кеппена «Абагар» был куплен в 1826 г.<sup>35</sup>.

Опубликованная переписка Бобровского с Кеппеном убедительно свидетельствует о том, что до 1825 г. ученые не только не были лично знакомы, но и не состояли в переписке. Первое письмо каноника на латинском языке из Жировиц (Жировичи), датированное 23 января 1825 г., было послано в Петербург через виленского профессора русской словесности И.Н. Лобойко (1786–1861)<sup>36</sup>, который хорошо знал Кеппена «с самого детства» в Харькове, так как оба они «воспитывались в одном университете и с равной горячностью любили науку и ученых»<sup>37</sup>. Лобойко был также одним из деятельнейших членов Вольного общества любителей российской словесности. Кеппен получил от Лобойко, который приезжал в северную столицу летом 1824 г., «несколько снимков с парижских и ватиканских рукописей»<sup>38</sup>, снятых Бобровским в Западной Европе. В письме от 3 декабря 1824 г. Лобойко просил Кеппена вернуть эти снимки, так как «из-за неожиданных обстоя-



ятельств» Бобровский решил «исключительно посвятить себя этому предмету»<sup>39</sup>. Дело в том, что 14 августа 1824 г. в результате следствия комиссии, возглавляемой уполномоченным комиссаром его императорского величества при Государственном совете Царства Польского Н.Н. Новосильцевым, по делу тайных студенческих обществ филوماتов и филаретов\* Бобровский был отстранен от преподавания<sup>40</sup> и сослан в монастырь в Жировицах, где в то время располагалась резиденция Брестского униатского епископа. Испытывая материальную нужду в незаслуженной ссылке, Бобровский просил Лобойко, чтобы тот в свою очередь попросил Кеппена узнать о его дальнейшей участи, поскольку другие преподаватели Виленского университета, также обвиненные и уволенные от должности, уже получили новые назначения (например, в начале 1825 г. И.Н. Данилович был определен профессором российского права в Харьковский университет). Но только через год, в 1826 г., Бобровского восстановили в Виленском университете в качестве профессора экзегетики и герменевтики\*.

В мае 1825 г. Бобровский послал Кеппену «краткую библиографию или лучше каталог изданных книг, не всех, конечно, которые известны ученым, а только тех, которые или я видел в заграничных библиотеках, или же приобрел во время путешествия»<sup>41</sup>. В октябре 1825 г. Кеппен опубликовал только каталог глаголических книг<sup>42</sup>.

Из всего сказанного следует закономерный вывод о том, что не переписка Кеппена с Бобровским стала источником сведений об «Абагаре». О его существовании Кеппен знал гораздо раньше. Поэтому вполне вероятно другая версия: информатором для Кеппена и Черткова в 1823 г. мог стать известный славист, словенец по происхождению, Ерней Копитар (1780–1844), служивший в Венской придворной библиотеке. Бобровский, познакомившись с Копитаром в 1817 г., состоял с ним в активной переписке: присы-

---

\* Филоматы (по-гречески «любители наук») и филареты (по-гречески «любители добродетели») – название тайных патриотических (пропольских) и просветительских объединений студентов Виленского университета в первой четверти XIX в.

\* Экзегетика – раздел богословия, занимающийся истолкованием смысла Священного Писания. Необходимость экзегетики связана со смысловой многомерностью библейского текста. Герменевтика – раздел богословия, занимающийся раскрытием основных принципов истолкования Священного Писания как с теоретической точки зрения, так и в исторической практике.

лал снимки с рукописей, выписки и рассказывал о своих открытиях. Он вполне мог включить сообщение об «Абагаре» в одно из своих писем. К сожалению, ни в дневнике Кеппена<sup>43</sup>, ни в путевых записках Черткова за время их пребывания в Вене нет ни слова об «Абагаре», впрочем, не пишется и о книгах, на которые нужно было обратить внимание в Риме. Однако нами установлено, что Копитар в 1823 г. составил для Черткова список книг, которые следовало искать в Италии и других странах и по возможности приобрести<sup>44</sup>. Из переписки графа Румянцева и Кеппена выясняется, что Чертков по рекомендации Копитара за 150 или 160 руб. купил Библию, переведенную на словенский язык. «Библии сии, изданные протестантами, были истребляемы католиками; как их, так и других крайних (словенских – *М.Ф.*) книг, уцелело весьма немного с того времени, как австрийское правительство более и более старалось устранить протестантизм, преследуя оный в своих провинциях», – писал Кеппен Румянцеву 20 апреля 1825 г. На что тот тут же отреагировал: «Кто таков г. полковник Чертков, о котором рассказываете мне, что купил Библию, изданную Трубером? Не почитаете ли Вы возможным у него ее купить, обо мне не упоминая?»<sup>45</sup>.

Необходимо уточнить: протестантский священник, создатель словенского письменного языка П. Трубар (1508–1586), опубликовавший в 1550 г. первые книги на словенском языке – «Абecedник» и «Катехизис», издал только перевод Нового Завета (Тюбинген, 1582). Его последователь протестантский священник и богослов Юрий Далматин (ок. 1547–1589) перевел на словенский язык всю Библию, которая была напечатана в Виттенберге в 1584 г.<sup>46</sup>. Скорее всего, в переписке графа Румянцева и Кеппена речь шла о Библии Ю. Далматина. Именно эта Библия в двух томах указана в каталоге А.Д. Черткова «Всеобщая библиотека России» (М., 1838) на странице 477 под № 21.

Кроме того, в свое сочинение «*Hesyhii glossographi discipulus...*», изданное в 1839 г. в Вене (через год после Чертковского каталога), Копитар поместил, помимо библиографического описания «Абагара», некоторые свои замечания относительно этого памятника, а также опубликовал целиком его послесловие с переводом на латинский язык<sup>47</sup>. Но при датировке «Абагара» Копитар не принял во внимание опечатку, поэтому указал неправильный год его издания – 1601<sup>48</sup>. Из данного труда явствует то, что Копитар держал в своих руках «Абагар». Открытым остается вопрос, когда, где и при каких обстоятельствах он работал с «Абагаром»? В 1823 г., когда Чертков посещал Императорскую библиотеку в Ве-

не, она все еще не имела каталога и располагалась в обширной зале, где книги «при ежедневном умножении оных» стояли «на полках в два и три ряда, одни за другими»<sup>49</sup>. Известно, что один экземпляр «Абагара» в настоящее время хранится в Австрийской национальной библиотеке<sup>50</sup>. Может быть, именно его Копитар в свое время обнаружил в фондах Императорской венской библиотеки? А может быть, этот экземпляр был передан Копитару Бобровским или Чертковым?

При работе над каталогами своей библиотеки Чертков не раз просматривал «Абагар». Об этом свидетельствует запись в уникальном экземпляре «Всеобщей библиотеки России» (инвентарный номер 5068), который хранится в отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России (ОИК ГПИИБР). В него были вплетены белые листы, на которые Чертков вписывал названия новых поступлений, а также свои аннотации к книгам. В нем после выходных данных «Абагара» Чертков записал следующее: «Практически единственное сочинение на болгарском языке, напечатанное Пропагандою». И тут же карандашом пометил: «Поместить в редкие книги»<sup>51</sup>. Чертков ошибался в том, что памятник был составлен на болгарском языке. В настоящее время после длительных дискуссий специалистов был сделан вывод о том, что «Абагар», опубликованный в 1651 г., стал первой печатной книгой, в которой прослеживались только элементы новоболгарского языка<sup>52</sup>.

Достаточно важен вопрос о количестве экземпляров «Абагара» 1651 г., которые Чертков купил в Риме. В своем экземпляре «Каталога Пропаганды 1738 г.»<sup>53</sup> рядом с библиографическим описанием «Абагара»<sup>54</sup>, которое в переводе на латинский язык не совсем точно передавало название этого издания на кириллице, Чертков написал карандашом: «Взято 10 листов»<sup>55</sup>. Эту запись, о которой сообщил К. Кузьминский, можно понять в том смысле, что Чертков купил 2 экземпляра «Абагара», каждый из которых состоял из 5 листов. Но в Отделе рукописей Государственного исторического музея нами обнаружен экземпляр «Всеобщей библиотеки России» с вплетенными белыми листами для пометок (Д. 277), подобный тому, что находится в ОИК ГПИИБР, только в нем содержится совершенно иная информация. На вклейке к странице 610, где были напечатаны библиографические данные «Абагара», о которых говорилось выше, Чертков чернилами записал то название «Абагара» на латинском языке, которое было указано в «Каталоге Пропаганды 1738 г.». Затем следом он поставил: «Молитвы на Болгарском наречии, на 5 открытых листах, нашим церковным

шрифтом, с фигурами, собрал Филип Станислаов од Великіе Болгаріе. Бискуп. Рим. 1651. (по 5 бајое\* или по 25 коп. наших». Чертков также указал, что у него имеется 9 экземпляров «Молитв на Болгарском наречии»<sup>56</sup>. Следовательно, Чертков приобрел в Риме 10 экземпляров «Абагара». Один он отправил Кеппену в 1826 г.

После смерти А.Д. Черткова его сын Г.А. Чертков решил выполнить заветное желание отца – открыть бесплатную библиотеку в Москве. На должность библиотекаря был приглашен П.И. Бартевев, который, готовя Чертковскую библиотеку для публики, внимательно разбирал книжную коллекцию и составил каталог дуплетов. В нем мы отыскивали информацию о том, что «Молитвы на болгарском языке. Рим. 1651 г.» имеются в 8 экземплярах<sup>57</sup>. Понятно, что Бартевев оставил один экземпляр «Абагара» для самой Чертковской библиотеки, 7 экземпляров попали в список дуплетов. А поскольку Бартевев установил самые широкие связи со многими государственными и частными библиотеками, с которыми он обменивался дуплетами, то выявить судьбу этих 7 экземпляров в настоящее время представляется невозможным из-за отсутствия необходимых материалов.

Однако можно предположить, что сам А.Д. Чертков мог подарить один экземпляр (девятый) профессору Ришельевского лицея в Одессе Н.Н. Мурзакевичу (1806–1883), страстному нумизмату, библиофилу и частому гостю в доме Черткова. Благодаря Мурзакевичу болгарская коллекция Черткова постоянно пополнялась изданиями на новоболгарском языке. В 1843 г., приняв лестное предложение новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова, Мурзакевич стал библиотекарем Одесской городской библиотеки с высоким окладом, квартирой и с сохранением места в лицее. Заботами Мурзакевича книжное собрание Одесской библиотеки, которое он принял в весьма плачевном состоянии, за первые 5 лет его заведования удвоилось. Из переписки с секретарем Общества истории и древностей российских мы узнаем о желании Мурзакевича составить при Одесской библиотеке «отделение чисто славянское», куда «войдут книги болгарские, сербские, чешские и всякие другие». «Да будет одесская книжница рассадницею славянства»<sup>58</sup>, – таков был план Мурзакевича. Свои болгарские книги он передал в Одесскую библиотеку и просил московских коллег присылать ему дуплеты. 13 декабря 1843 г. Мурзаке-

---

\* В восстановленной в 1815 г. Папской области денежной единицей до 1866 г. являлся скудо, равный 100 байокко; но многие русские в Риме называли байокко байё или байо.

вич писал Черткову: «Буду просить о вспомоществовании Шафарика и Ганку. По этому плану я бы желал хоть для образца иметь хоть один из Ваших дубликатов глаголитских. Впрочем, если угодно будет прислать «Меч духовный»<sup>59</sup>, Moscouiter wunderbare Historien, Basel 1567<sup>60</sup>, Добровского Lehrgebände<sup>61</sup> и некоторые другие, буде Вам угодно, то я обязуюсь доставить взамен болгарские книги, которые повременно являются на свет. В Москве они редкость, а для меня приобретение их дело нетрудное»<sup>62</sup>. Это письмо одесского историка к тому же подтверждает обыкновение А.Д. Черткова приобретать редкие книги не в одном, а в нескольких экземплярах, если представлялась такая возможность. В начале XX в. известный славист М.Г. Попруженко, преподаватель историко-филологического факультета Новороссийского университета, нашел в фондах Одесской библиотеки неполный экземпляр (4 листа) «Абагара» и исследовал его. На наш взгляд, этот экземпляр «Абагара» попал в Одессу из Москвы.

К сожалению, «Абагар» из библиотеки А.Д. Черткова (в 1863 г. она была открыта как бесплатная публичная библиотека, в 1872 г. – передана в дар г. Москве и временно размещалась в Румянцевском музее, затем, в 1887 г., была переведена в библиотеку Исторического музея) бесследно исчез, о чем сообщил в 1906 г. К.С. Кузьминский. Когда это произошло, неизвестно. В одной записочке А.Д. Черткова сообщалось: «Из моей библиотеки раскрадено книг с 1836 г. (с напечатанного каталога)»... 63<sup>63</sup>. Но «Абагар» тогда еще хранился в 9 экземплярах.

В начале XX в. научной общественности были известны лишь три экземпляра «Абагара»: в Москве (Румянцевская библиотека, экземпляр П.И. Кеппена), Лейпциге и Одессе<sup>64</sup>. Любопытно, что экземпляр, с которым работал Копитар, не принимался в расчет, вероятно, из-за того, что не было указано место его хранения. На сегодняшний день в библиотеках Западной Европы, Болгарии и России обнаружены уже 16 экземпляров<sup>65</sup>.

Таким образом, введение в научный оборот такого замечательного памятника как «Абагар» 1651 г. непосредственно связано с именем А.Д. Черткова, с его неутомимыми поисками редких книг и манускриптов. «Абагар» к тому же положил начало болгарской коллекции книг и рукописей А.Д. Черткова.

История появления «Абагара» в России является, на наш взгляд, зримым свидетельством развития научного интереса к зарубежным славянам, она дополняет важную страницу становления русского славяноведения первой четверти XIX в., времени установления плодотворных личных контактов российских ученых с

зарубежными славистами. Эти контакты сопровождались интенсивным обменом информацией, книгами и научными знаниями, расширением горизонтов научного поиска.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России или каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях. Первое приращение. М., 1838. С. IV.

<sup>2</sup> См.: *Фролова М.М.* Болгарские книги в собрании А.Д. Черткова: к 150-летию Чертковской библиотеки // *Славяноведение*. 2013. № 6. С. 62–70.

<sup>3</sup> *Чертков А.Д.* Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823–1825 годах. М., 2012. С. 75.

<sup>4</sup> *Кочубинский А.А.* Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887. С. 198; *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 75.

<sup>5</sup> *Францев В.А.* Введение в славяноведение. Лекции, читанные проф. В.А. Францевым студентам 1-го курса Историко-филологического факультета императорского Варшавского университета в 1914–1915 гг. Варшава, 1915. С. 64.

<sup>6</sup> *Венедиктов Г.К.* Първа страница в историята на изучаването на българския език от руски ученици // *Българското възраждане и Русия*. София, 1981. С. 214.

<sup>7</sup> Там же. С. 236.

<sup>8</sup> *Кеппен П.И.* Записка о путешествии по словенским землям и архивам // *Материалы для истории просвещения в России, собираемые П. Кеппенном*. СПб, 1825. № 33. Стб. 489.

<sup>9</sup> Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 445. Д. 302. Л. 142; *Чертков А.Д.* Воспоминания о Сицилии. М., 1836. С. 34.

<sup>10</sup> *Кузьминский К.* О сборнике молитв, известном под названием «Абагар» (Библиографическая заметка и текст). М., 1906. С. 4.

<sup>11</sup> *Райков Б.* Абагар на Филип Станиславов. Рим, 1651. Фототипно издание. София, 1979. С. 25.

<sup>12</sup> *Попруженко М.Г.* Абагар (Из истории Возрождения болгарского народа). СПб, 1906. С. 255; *Пенев Б.* История на новата българска литература. Т. 1. София, 1976. С. 225.

<sup>13</sup> Исправник за ереј исповедницы, и за покорних. Пренесен нигда с латинскога языка к Словенский по попу Шимуну Будинеу. А сада писмении глаголским исписан и напечатан О. Рафаелом Леваковичем. Печ. там же 1635 г. (экземпляр в Ватиканской библиотеке, другой у г. Бобровского). См.: *Кеппен П.И.* О первопечатных словенских книгах (заключение). Стб. 377.

<sup>14</sup> Здесь П.И. Кеппен ссылается на свою статью «Записка о путешествии по словенским землям и архивам», в которой упоминалось это издание (Стб. 489).

- <sup>15</sup> *Кеппен П.И.* Уведомления // Материалы для истории просвещения... 1825. № 39. С. 585.
- <sup>16</sup> *Кузьминский К.* О сборнике молитв... С. 6.
- <sup>17</sup> *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России. С. 610.
- <sup>18</sup> *Сахаров И.П.* Обзорение славяно-русской библиографии. СПб, 1849. № 536; *Ундольский В.М.* Очерк славяно-русской библиографии М., 1871. С. 75. № 656; *Каратаев И.* Описание славяно-русских книг. Т. 1. СПб, 1883. С. 547. № 681.
- <sup>19</sup> *Кузьминский К.* О сборнике молитв... С. 5.
- <sup>20</sup> *Райков Б.* Абагар... С. 7.
- <sup>21</sup> *Лабынцев Ю.А.* Михаил Бобровский – первый исследователь болгарского «Абагара» 1651 г. // Русско-болгарские связи в области книжного дела. М., 1981. С. 80.
- <sup>22</sup> *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб, 1902. С. 50, 80.
- <sup>23</sup> *Погодин А.* Виленский учебный округ. 1803–1831 // Сборник материалов для истории просвещения в России. Т. 4. Вып. 1. СПб, 1902. С. VIII.
- <sup>24</sup> Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. Т. XXVII (1802–1803). СПб, 1830. С. 611. (Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа).
- <sup>25</sup> *Жарова Е.Ю.* Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 274. / <http://cyberleninka.ru/article/n/universitetskie-ustavy-1803-1804-gg>.
- <sup>26</sup> Цит. по: *Францев В.А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906. С. 256.
- <sup>27</sup> *Францев В.А.* Польское славяноведение... С. 257.
- <sup>28</sup> Там же. С. 258.
- <sup>29</sup> *Кеппен П.И.* Записка о путешествии по словенским землям и архивам. Стб. 475.
- <sup>30</sup> *Лабынцев Ю.А.* Михаил Бобровский... С. 81.
- <sup>31</sup> Там же.
- <sup>32</sup> *Францев В.А.* Польское славяноведение... С. 324–325.
- <sup>33</sup> *Лабынцев Ю.А.* Михаил Бобровский... С. 80.
- <sup>34</sup> *Чертков А.Д.* Журнал моего путешествия... С. 52, 77.
- <sup>35</sup> *Лабынцев Ю.А.* Михаил Бобровский... С. 81.
- <sup>36</sup> Переписка ученого слависта М.К. Бобровского с П.И. Кеппеном // Славянские известия. 1889. № 12. С. 304.
- <sup>37</sup> *Лобойко И.Н.* Мои воспоминания. Мои записки. М., 2013. С. 127.
- <sup>38</sup> *Францев В.А.* Из переписки графа Н.П. Румянцева. Граф Н.П. Румянцев и П.И. Кеппен. Варшава, 1914. С. 34.
- <sup>39</sup> Переписка ученого слависта М.К. Бобровского с П.И. Кеппеном. С. 303.
- <sup>40</sup> *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 153–154.
- <sup>41</sup> Переписка ученого слависта М.К. Бобровского с П.И. Кеппеном // Славянские известия. 1889. № 14. 2 апреля 1889 г. С. 353.

- <sup>42</sup> *Кеппен П.И.* О первопечатных словенских книгах (заключение) // Материалы для истории просвещения в России... Стб. 376–379.
- <sup>43</sup> Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 30. (Кеппен П.И.). Оп. 1. Д. 137.
- <sup>44</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 271. Л. 64.
- <sup>45</sup> *Францев В.А.* Из переписки графа Н.П. Румянцева. С. 102–103 (20 апреля 1825 г. СПб.), 105 (5 мая 1825 г. Гомель).
- <sup>46</sup> *Чуркина И.В.* Словенские протестанты и формирование словенской идентичности // Reformacija na Slovenskem. (Ob 500-letnici Trubarjeva rojstva). Obdobja 27. Ljubljana. 2010. С. 35–44; [http://www.centerslo.net/files/file/-simpozij/simp27/02\\_Curkina.pdf](http://www.centerslo.net/files/file/-simpozij/simp27/02_Curkina.pdf).
- <sup>47</sup> Hesychii glossographi discipulus et [epiglofssistis] russus in ipsa Constantinopoli sec. XII–XIII: e codice Vindobonensi graecorussica omnia, additis aliis pure graecis, et trium aliorum Cyrilliani lexicis codicum speciminibus, aliisque miscellaneis philologici maxime et slavistici argumenti / nunc primum edidit et Scientiarum Academiis Berolinensi et Petropolitanae si quidem mereantur promovenda sistit Bartholomaeus Kopitar; cum tabula aenea graecorussa. № 11. Р. 45–46.
- <sup>48</sup> *Райков Б.* Абагар... С. 7–8.
- <sup>49</sup> *Чертков А.Д.* Журнал моего путешествия... С. 63.
- <sup>50</sup> *Райков Б.* Абагар... С. 24.
- <sup>51</sup> *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России. С. 610.
- <sup>52</sup> *Райков Б.* Абагар... С. 8–9, 28–29.
- <sup>53</sup> Catalogus librorum qui ex officinali libraria sacri consilii christiano nomini propaganda formis omnigenis impressi prodiderunt ibique adhuc asservantur linguarum variorum ordine digestus. Romae, MDCCXXXVIII.
- <sup>54</sup> Bulgari. Stanislaron Philippus Episcopus Nicopolitanus. Preces quadem, sine anno, et in folio, ut ajunt, aperto.
- <sup>55</sup> *Кузьминский К.* О сборнике молитв... С. 6.
- <sup>56</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 277. Л. 618 об., 619.
- <sup>57</sup> Там же. Д. 272. Л. 152 об.
- <sup>58</sup> Материалы для истории императорского Общества истории и древностей российских. Переписка гг. действительных членов Общества. Письма Н.Н. Муракевича к О.М. Бодянскому (1838–1866 гг.) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 1. 1887. С. 195.
- <sup>59</sup> *Баранович Лазарь.* Меч духовный... или книга проповедей слова божьего... Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1666.
- <sup>60</sup> *Herberstein S.* Moscouiter wunderbare Historien. Basel, 1567 (*Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии).
- <sup>61</sup> *Dobrovsky Joseph.* Ausführliche Lehrgebaude der Bohmischen Sprache, zur grundlichen Erlerung derselben für Deutsche, zur vollkommern Kenntniss für Bohmen. Prag., 1809.
- <sup>62</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 256 и об.
- <sup>63</sup> Там же. Д. 271. Л. 647.
- <sup>64</sup> *Пенев Б.* История на новата българска литература. С. 625.



<sup>65</sup> Райков Б. Абагар... С. 24–25; Лабынцев Ю.А. Михаил Бобровский... С. 83.